

К.ф.н., с.н.с. СОИГСИ
И.В. Мамиева

Повесть «Федор Иванович» Г.Дзасохова в контексте литературно- философских исканий эпохи

И.В. Мамиева

Видный революционный деятель, публицист, просветитель Гуго Дзасохов (1880–1918) известен как автор политически острых статей, ярких, оригинальных исследований в области педагогики и литературной критики [1].

Но мало кто знает, что ему самому не чужд был дар сочинительства. Литературное призвание Г. Дзасохова отчетливо заметно уже в «Письмах к друзьям», «Дневнике педагога», некоторых других статьях и очерках. Выразительность исторических и бытовых деталей, портретных штрихов, нотки скрытого юмора, а подчас и сарказма, делают фактографическое описание в них весьма живым и занятным. В повести «Федор Иванович», так же принадлежащей перу Г. Дзасохова, по существу перед нами все тот же сплав декларативности идей и образно-стилевой пластики. Жанровые особенности произведения подчеркнуты подзаголовком. Это в самом деле – «история одной любви», рассказанная (не изображенная!) автором при почти полном отсутствии «внешнего действия»: нет здесь сколько-нибудь конкретной исторической обстановки, среды, даже портретных реалий. Автор сосредоточивает внимание на сфере психологической жизни индивида. Душа героя является той ареной, на которой разворачиваются интеллектуально-эмоциональные переживания (заметим, что драматические конфликты мысли и чувства при этом зачастую искусственно заострены).

Повесть «Федор Иванович» печаталась в «Тереке» (авг.–сент. 1911 г.), но создана она на «азовском материале» и во владикавказскую газету попала, как полагают, во время нелегального посе-

щения Г.Дзасоховым Осетии летом 1910 года. Поэтому предваряющая повествование фраза («посвящается туземной женщине») не более как дань уважения многотрудной судьбе женщины-горянки, признание ее духовного и интеллектуального потенциала.

Так какова же в действительности основная идея повести «Федор Иванович»? Суть ее видится в утверждении свободы личности, в том числе (или преимущественно?) в сфере взаимоотношения полов. Центральная коллизия соответственно такова. Учитель словесности женской гимназии, человек передовых взглядов (возможно, недавний участник революционных событий), тридцатилетний отец семейства без памяти влюбляется в гимназистку старших классов (ей 17 лет). В супружестве Федор Иванович несчастлив, хотя жена его – женщина достойная, заботливая мать (в семье трое детей) и прекрасная хозяйка. Но брак их не скреплен духовностью, и в какой-то момент герой стал воспринимать себя в качестве «доходной статьи» в доме – и только. Виктуса же, по собственному признанию Федора Ивановича, внесла в его жизнь «огонь, на котором сжигаются все омертвевшие наслоения на душе», сумев раскрыть в нем «бездну нетронутых еще сторон...»

Заявленный в эпиграфе поиск «новых путей», как видим, плохо согласуется с общепринятым восприятием его осетинской критикой в социально-политическом плане.¹ Цитата из Вересаева в контексте произведения имеет откровенно более узкий смысл: на первом плане – поиск новых форм брачной жизни («свободной связи двух свободных лич-

¹См., к примеру, трактовку Х.С. Булацева в указ. кн.: «Не случайно он (Г.Дзасохов. – М.И.) предпослал своей повести ... слова В.Вересаева: «Кто ищет новых путей, должен выходить не на прогулку, а на работу». Дзасохов неутомимо искал «новых путей», ведущих, по его выражению, в светлое царство социализма, не сомневаясь в том, что эти пути будут найдены, что самодержавие будет свергнуто и пробьет час народного освобождения» (с.42).

ностей»), и только потом уже, так сказать в рамках намеченной программы, – изменение общественных условий жизни, борьба с косностью среды, мещанскими понятиями счастья и жизненных ценностей.

Так называемый «половой вопрос» был актуален, как известно, для модернистской литературы начала XX века. Означало ли это демонстративный уход от социально-общественных проблем времени? Возможно. В литературно-критических статьях Г. Дзасохов выказывает абсолютное неприятие подобного чтения. Резкой критике подвергает он, в частности, популярный в те годы роман М. Арцыбашева «Санин»: за отрыв мира интимных желаний и чувств от «общественной подкладки», сведение его к голой физиологии [2]. Повесть «Федор Иванович» – как бы развитие «темы» газетных публикаций Г. Дзасохова. Являясь противником культа «грубой животности» в художественной литературе, автор не отвергает физиологию вообще («Только до тех пор и жив человек, пока над ним властно тело. С потерей порывов физических нет уже истинной жизни, а есть одно житие», – говорит герой его повести), но хочет наполнить ее духовным смыслом. «Поэзии порнографии и похоти» (как продукту «больной психики» арцыбашевых и вербицких²) Г. Дзасохов противопоставляет в своем произведении «поэзию натуры», духовно возвышенную и оздоравливающую человека. «Это физическая страсть-то некрасива?!» – не соглашается с оппонентом Федор Иванович, раздражаясь вслед за этим патетическим дифирамбом красоте ощущений, пробуждаемых в нем любимой женщиной.

Можно догадаться, чьими идеалами и чьим поэтическим языком вдохновлялся в этом споре герой Г. Дзасохова! Перед нами тип мирозерцания, явленный человечеству в лице Л. Толстого с его ликующим возвеличением бытия, прославлением одухотворенной плоти. В повести «Федор Иванович» довольно часты отсылки к книге «Живая жизнь» В. Вересаева (часть I. «Достоевский и Лев Толстой», 1909), содержащей означенную трактовку видения мира великим писателем. Суть теории «живой жизни» в следующем.

Путь познания добра, духовного очищения пролегает через «целостное общение» со «светлым таинством» мира, которое возможно при условии «добычи» в себе самом «силы жизни» – «живой жизни».

Цивилизация и рожденная ею рассудочность подавили в человеке здоровые инстинкты, дарованные ему природой. Потому истоки «живой жизни» нельзя обнаружить на уровне оперирования «оформленными мыслями», они – в глубинных душевных началах. «Безнамеренно» живи «подлинную свою сущностью, и само собою придет единение с миром, придет добро. Об этом уже без нас позаботится природа, благая и мудрая...» (3; 345, 441). Для сравнения – рассуждения дзасоховских героев: «Только жизнь по здоровым инстинктам есть нормальная жизнь». «Окраску жизни дает не рассудок, а настроение». «Не безумие – жизнь по влечениям, в ней источник новых вдохновений...» «Для любви нет осязательной причины: она, как ветер, приходит неизвестно откуда и уходит неведомо куда». Весь смысл нормальной человеческой жизни Федор Иванович видит в близости с природой, которая одна открывает гармонию в сущем. Пытаясь анализировать нахлынувшее чувство, герой интерпретирует его то в духе христианского учения о союзе двух сердец как «факте сошествования на них благодати», то соизмеряет с понятием «мировая душа», дарующим человеку ощущение себя «таким же могучим и гармоничным, как Вселенная».

В целом, надо сказать, насыщенность повести интертекстуальными связями делает ее произведением скорее вопросов, нежели решений. Это касается, в первую очередь, образа Федора Ивановича, тезки известного литературного персонажа³. Совпадение не случайное, духовное родство с героем Л. Андреева подчеркивается неоднократно. Сложность в том, что Костомаров – человек жестокий, равнодушный, легко пресыщающийся женскими ласками («Вы распинаете женщину, Федор Иванович», – в ужасе шепчет ему одна из жертв). В подаче же учителя гимназии желание Костомарова утвердить надо всем свою волю, отрицание им общепринятых норм и правил предстают «психологически верными и вполне законными». «Мещанская мораль, – убеждает герой Г. Дзасохова, – может быть руководящим началом для непрогрессивных. Личности же, подобные Костомарову, будут вечно двигаться впереди и создавать себе все новые и новые ценности в жизни. Всякая остановка в духовном развитии таких личностей, всякий догмат для них – убийственное начало».

² Роман Вербицкой «Ключи к счастью» стал предметом критики в ст. Г. Дзасохова «Заметки наблюдателя». (См.: Дзасохов Г. Статьи и очерки. – Орджоникидзе, 1970. С. 101.)

³ Федор Иванович Костомаров – герой пьесы Л. Андреева «Анфиса» (1909).

Конечно, признание «прогрессивности» влечения персонажа Л. Андреева «к трем сестрам зараз» – удобный повод для оправдания синхронности чувств самого лектора к жене и Виктусе. Мотивы восхищения Костомаровым в этом случае довольно прозрачны, хоть и оставляют массу вопросов. Но Федор Иванович примеряет к себе и комплекс избранничества героя.

Для правильной расстановки акцентов здесь необходим экскурс в историю. В российской культуре рубежа XIX–XX веков с развитием идеи самоутверждения активного «я» большую популярность приобретала философия Ницше. Надо заметить, что различные литературно-философские направления извлекали из нее противоположные выводы. Демократическое крыло творческой интеллигенции хотело бы видеть в Ницше опору в своей борьбе за раскрепощение личности. Правда, в этих целях требовалось внести существенные «исправления» в семантику ницшеанства, «освободить» его от агрессивности, от идеи господства над миром жестокого эгоистического «я», стоящего по ту сторону добра и зла. Переосмысление Ницше подобным образом сообщало восприятию феномена «сверхчеловека» позитивный смысл, позволяло видеть в нем способность «внутреннего самовозрастания» человека, стремление к бесконечному совершенству, к сознательному и целеустремленному преобразованию действительности [4].

В статье 1910 года, посвященной мировоззрению Ницше (в ракурсе восприятия его сквозь призму романов Ф. Достоевского), Г. Дзасохов характеризует его взгляды не иначе как «путь разрушения самых дорогих идеалов человечества» [5; 252]. В повести «Федор Иванович», опубликованной годом позже, учение немецкого философа предстает уже в ином («исправленном») виде – с признанием «оздоровляющего влияния на поколения последних лет», особенно в аспекте «борьбы за индивидуальность». Проповедь идеи борьбы – основной в удивительной доктрине Ницше – не сходит с уст и самих героев повести. Но «масштабы» описываемых событий придают ей отчасти фарсовое звучание.

Одно из «рациональных зерен» учения Ницше, по Г. Дзасохову, – взгляд на страдание, как на чувство, ведущее к нравственному возрождению. Страдает Клара Петровна, когда рушится отлаженный годами быт, уютный мирок ее нехитрых запросов и стремлений. Но разрыв семейных отношений оборачивается для нее спасительным выходом

за пределы гнетущего замкнутого пространства («кукольного домика», по признанию самой героини). Почувствовав в себе обновляющие токи «живой жизни», Клара Петровна уже не согласна быть пассивным продуктом косных и неизменяемых обстоятельств («кормилица и кухарка уже делалась личностью»). В любви Федора Ивановича и Виктуси – стремление достичь вершины благородства, целомудрия и ясности духа. Потому, несмотря на декларируемую ими свободу чувств, герои избирают для себя некую «меру» в общении. Она-то и становится источником внутренней борьбы и страдания, ведущего, опять же, к духовному совершенству и гармонии семейной жизни.

Вся беда в том, что процесс нравственного перерождения персонажей остается вне пределов сюжетного действия, судить о нем возможно лишь со слов автора. Сама концепция духовности брачных уз достаточно противоречива. Брак-сожителство Федора Ивановича и Виктуси – при всей своей «прогрессивности» – есть все же некий предел заявленным вначале «исканиям и борьбе» двух любящих сердец, бесконечности стремлений как залогом личного счастья («То, чем мы обладаем, уже не цель для нас и поэтому удовлетворить нас не может»)?!

Как бы то ни было, отношения Федора Ивановича с Кларой Петровной и Виктусей все же далеки от любовного многоугольника в пьесе Л. Андреева. И тут возникает самый главный вопрос. Отчего Костомаров избран духовным двойником героя повести?

Без сомнения, адвокат Костомаров – личность яркая, крайне заметная на фоне обыденности. Правда самодовлеющего «я» предстает в его лице властной, захватывающей, необъяснимо притягательной («У тех, кто хочет много, свои законы», – говорит герой). К тому же, при всем эгоизме и свободе от нравственных обязательств, в нем подспудно угадываются душевные метания и мука (маскируемые от посторонних глаз), смутная тоска по добруму, идеальному, связующему с миром.

И все же лейтмотивом образа остается драма индивидуалистического сознания. Она подчеркнута и финалом жизни героя. Смерть от руки Анфисы – это не только акт мести (по причине ревности), но как бы и веление свыше, кара за отстраненность от мира, желание личного господства. (Не случайно в рукописи пьеса носит название «Господин»).

Надо полагать, последнее обстоятельство смущало автора повести. Возможно, этому мы обязаны введением вставного эпизода («рассказ в рас-

сказе»), в котором литературный персонаж Г. Дзасохова сам выступает в качестве беллетриста. Среди причин, подвигших Федора Ивановича на «погребение души» героя сочиненного им рассказа, названы две основные: отсутствие веры, позволившей бы «отдаться служению какой-нибудь идее», и отсутствие любви к человеку («не любя себя – как любить других!»). Да не «приговор» ли это Костомарову, – так сказать, гипотетическое «проигрышание» другого финала для пьесы Л. Андреева?! При этом отношение творца к «приговоренному» им герою достаточно непростое. «У меня сейчас в душе погребенный звон, – признается Федор Иванович в письме Виктусе, – ... хороня его, я расстаюсь со всем, что вижу в себе наиболее ценного». Эпизод с самоубийством присутствует также в упомянутой пьесе Л. Андреева. Функция его – высвечивание реакции Костомарова: «Как он смел? Взял и сделал то, о чем мечтает каждый хоть раз в жизни <...>. И все мы стали маленькие, а он вырос, как гигант, гигантской тенью лег над нами и мертвыми глазами смотрит прямо в душу. Чего он смотрит? Что я ему отвечу?» [6; 501].

Мотив самоубийства скорее всего в обоих произведениях навеян «Бесами» Ф. Достоевского, точнее, выведенным в романе нищенским типом (Алексей Нилыч Кириллов) с его убеждением, что путь победы над страхом и болью (самоубийство) есть путь к величию. Отсюда сложный сплав чувств (удивление – зависть – восхищение?) Костомарова («Анфиса») к юнцу, «посмевавшему» уйти из жизни. Отсюда и рассуждения дзасоховского Федора Ивановича: «Есть большая красота в свободном прекращении своего неудовлетворяющего существования... Чувствовать себя хозяином смерти – это красота из красот...»

Итак, мысль о добровольном расставании с жизнью – при всей антиномичности ее сути – трактуется в повести Г. Дзасохова как выход из духовного тупика. Что же удерживает самого Федора Ивановича от вступления на этот «путь к величию»? Сдается мне, ответ следует искать в проблеме начал, связующих «я» и целое, отдельную личность и окружающий мир. Человек, одинокий во «внешнем» своем бытии, должен ощущать в себе хотя бы внутреннюю связь с идеей общей жизни, черпать в ней духовные силы. Выражением этой идеи, по Дзасохову, является любовь. В широком смысле – любовь к миру, человечеству. Если нет условий для ее проявления в этом плане («В последнее время... общество жертв не просит, жертвы утратили свою привлекательность», – несомненно, в рассуждениях

героя – намек на воцарение реакции после революции 1905 года), то источником жизни может стать и любовь двух существ, щедро одаряющих друг друга и – опосредованно – окружающих счастьем.

Любовь к Виктусе – при наступившей общественно-исторической не востребованности Федора Ивановича, – она и есть последний, но по-своему мощный стимул для поддержания в нем инстинкта жизни.

Удаленность героев Г. Дзасохова от прямого контакта с социально-бытовым фоном, чрезмерная сосредоточенность на анатомии чувства как бы компенсируются этой вот, не лежащей на поверхности, идеей неразрывной связи в человеке природного и общественного. Культивирование биологического «инстинкта жизни» как пути к нравственному совершенству индивидуума может означать, в таком случае, возможность будущего пересоздания общества (при более благоприятных исторических условиях), не исключено, что на революционных началах.

Повесть «Федор Иванович» по большому счету вряд ли может быть признана художественным достижением автора. Но она замечательна уже тем, что содержит массу «переключек» с ведущими литературно-философскими и общественными идеями эпохи, позволяет судить об идейно-эстетических взглядах автора в известный период истории.

Произведение интересно и элементами автобиографии, о коих свидетельствует сам Г. Дзасохов в «Дневнике педагога»: «В этой повести много вымысла, но есть и места, взятые с натуры» [7]. Надо сказать, повесть была воспринята азовской читающей публикой неадекватно. «Особенно ополчился на меня, – пишет Г. Дзасохов, – редактор уличной грязной газеты...». За скупыми строками дневниковой записи – настоящая разнузданная травля Гуго редактором газеты «Голос Приазовья» неким М. Пархоменко (он же М. Орион, М. Набат и пр.) В целой серии «статей» и фельетонов, выходящих за мыслимую грань приличия, этот горе-журналист характеризует Г. Дзасохова не иначе, как «революционер и развратник» (в лексиконе М. Пархоменко это – понятия одного ряда). «Сочинения» господина редактора – фантастический сплав клеветы и отборной брани. Тут и угрозы посадить «Федю» (литературный псевдоним Г. Дзасохова) на скамью подсудимых («ему, положим, к ней не привыкать...»), и прямо-таки брызжущее ядом злословие по поводу нездоровья Гуго, и обвинения в «педагогической растлеваю-

щей деятельности», и высмеивание «диких утопических мечтаний «переустройства» человеческой жизни. Ни сном, ни духом не ведая о каких-либо философско-мировоззренческих и литературных идеях времени, этот, с позволения сказать, претендент на «голос» народа нарекает Г. Дзасохова «существом самого вредного, самого опасного, сатанинского разврата», возведенного последним в ранг идеологии [8].

Эти выдержки из «Голоса Приазовья», пожалуй, даже ярче, выпуклее обрисовывают среду, в которой живут и которую так мечтают «переустроить» герои повести. Автобиографизм «Федора Ивановича», а также интертекстуальный пласт произведения способны, стало быть, пролить свет на некоторые спорные вопросы жизни и творчества Г. Дзасохова. Не секрет, что в 30–50-е гг. (да и в некоторых современных исследованиях) часто возникали обвинения его в перерожденчестве, в отходе от революционной идеологии. Образом своего героя, Федора Ивановича, автор как бы убеждает нас в неколебимости веры в «идею», – но веры, скорректированной общественно-исторической ситуацией (годы реакции). В сущности, об этом же рассуждает он и в своих «Заметках наблюдателя» (1912–1913), косвенно, как бы между строк,

прицая ту часть интеллигенции, которая после спада революционных настроений впала в апатию, начала «терять идеалы». «Истинный интеллигент, подчиняясь до некоторой степени условиям жизни, не теряет вконец своей личности, он еще остается и творцом жизни, приспособлявая к своим идеалам окружающую жизнь» [5; 100] (курсив мой. – М.И.).

Важно и другое. В наши дни – когда претерпевает изменения подход к прошлому, к таким историческим дефинициям, как «революция», «партия», «строительство социализма» – интерес к данной личности как бы обретает значение культурного жеста. В свое время Г. Дзасохов предостерегал интеллигенцию Осетии от постыдного забвения своего национального гения – К. Хетагурова. Сегодня уже наш долг, отдавая дань его памяти, осознать очевидное: как бы ни менялись общественные приоритеты, куда бы ни заводили нас зигзаги истории, существуют непреходящие идеалы и традиции, среди них – судьба народа, жертвенность во имя свободы духа.

Г. Дзасохов и принадлежит к когорте избранных, во все времена готовых идти на смерть ради защиты этих вечных, бесспорных ценностей жизни.

Литература

1. Булацев Х.С. Гиго Дзасохов – публицист-революционер: 1880–1918 гг. – Орджоникидзе, 1982.
2. Дзасохов Г. О реалистическом модернизме в современной беллетристике // Терек. 1908. 30 августа.
3. Вересаев В.В. Собр. соч. Т. 3. – М., 1961.
4. Соловьев Вл. Идея сверхчеловека // Мир искусства. 1899. №9.
5. Дзасохов Г. Статьи и очерки. – Орджоникидзе, 1970.
6. Андреев Л. Собр. соч. Т.3. – М., 1994.
7. ОРФ СОИГСИ – ф.49, оп.1, д. 5.
8. ОРФ СОИГСИ – ф.49, оп.1, д. 20.

